

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 159–165
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 159–165
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-159-165>, EDN: VKVESG

Научная статья
УДК [338.436:352/354](470+571)|19|

Власть и сельскохозяйственная кооперация России в начале XX века

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, i.n.konovалov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, AuthorID: 169403

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения власти и сельскохозяйственной кооперации России. В первую очередь исследуется «притеснительная» деятельность центрального аппарата, который был представлен различными министерствами и ведомствами, а также деятельность местной администрации, осуществляемая институтом в лице губернаторов, губернскими комитетами по мелкому кредиту, инспекциями мелкого кредита при местных отделениях Государственного банка, земскими начальниками, полицией.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, кооперативные съезды, Департамент полиции, губернатор, Управление по делам мелкого кредита, инспектор мелкого кредита, неблагонадежные лица

Для цитирования: Коновалов И. Н. Власть и сельскохозяйственная кооперация России в начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 159–165. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-159-165>, EDN: VKVESG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Government and agricultural cooperation in Russia at the beginning of the XX century

I. N. Konovалov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Ivan N. Konovалov, i.n.konovалov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, AuthorID: 169403

Abstract. The article examines the relationship between government and agricultural cooperation in Russia. First of all, the oppressive activities of the central office, which was represented by various ministries and departments, as well as the activities of the local administration, represented by the Institute of governors, provincial committees on small loans, inspections of small loans at local branches of the State Bank, zemstvo chiefs, and the police are being investigated.

Keywords: agricultural cooperation, cooperative congresses, Police Department, governor, Small Loan Affairs Department, small loan inspector, unreliable persons

For citation: Konovалov I. N. Government and agricultural cooperation in Russia at the beginning of the XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 159–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-159-165>, EDN: VKVESG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Приложение кооперативных начал к крестьянскому производству дореволюционной России было особенно эффективным. Кооперативы обеспечивали рост товарности крестьянских хозяйств, их потребность в кредитах, сбыт продукции и приобретение средств производства. С социально-экономической точки зрения кооперация больше всего подходила крестьянину. Она связывала его с рынком, с другими такими же хозяйствами и с промышленностью. Объединяя

рыночные связи отдельных хозяйств, кооперация вносила в хозяйственную деятельность крестьянина элементы коллективизма.

Важно подчеркнуть, что кооперирование сбытовых, снабженческих и кредитных операций не требовало от крестьянина отказа от единоличного хозяйства и даже способствовало его развитию [1, с. 205]. Кооперация полностью соответствовала рыночной психологии крестьянства.

К началу XX в. с помощью кооперативных организаций в России была создана эффективная система защиты интересов мелкого сельского производителя в условиях развития товарно-денежных отношений. Современная экономика страны, конечно, существенно отличается от того состояния, в котором она была в дореволюционной период. Однако исследование попытки перехода к рыночным отношениям в то время дает богатейшие возможности для извлечения уроков, необходимых для решения современных социально-экономических проблем [2, с. 81].

С возрождением подлинного кооперативного движения возникает острая необходимость в усвоении накопленного опыта, его систематизации, выделении «всего того ценного и непреходящего, что накоплено предшествующими участниками этого движения и без чего не может эффективно функционировать кооперация в современных условиях» [3, с. 5].

Отечественный кооперативный процесс с самого начала своего развития соединяет в себе два взаимоисключающих сюжета: с одной стороны, бурный рост различных видов кооперации; с другой – сдерживающую политику правительства. Каждый из этих сюжетов интересен во взаимосвязи с другим, поскольку позволяет воссоздать целостную историческую картину, оценить силы и слабости кооперативного движения не просто в развитии, а в непрерывном его противоборстве с ограничительной мощью властных органов.

Однако в сравнении с рабочей кооперацией сельскохозяйственная кооперация была в меньшей степени втянута в политическую борьбу. Об этом свидетельствуют материалы Департамента полиции МВД, губернских жандармских управлений, отчеты губернаторов. Если в губернских городах и тем более в столицах (Москве и Петербурге) уже к 1908–1910 гг. не было ни одного рабочего кооператива, соблюдающего «нейтралитет» или проповедующего невмешательство в политику, то в деревне основная масса крестьянства долгое время оставалась нейтральной. Этому во многом способствовала и охранительная политика, проводимая правительством. Так, распоряжением товарища министра внутренних дел генерала Г. М. Курлова все полицейские ведомства с 5 апреля 1909 г. приступили к составлению поименных списков неблагонадежных лиц, вошедших в состав кооперативных правлений и советов. Одним из первых был проверен считавшийся неблагонадежным Новоузенский уезд Самарской губернии. Однако оказалось, что из 236 членов правлений и советов только 8 чел. (3,3%) внушали сомнения в политической благонадежности [4, л. 144]. В Новгородской губернии насчитывалось 150 кооперативов с 736 членами. Из них, по данным охранного ведомства, 131 (17,8%) представляли опасность для государства. Число

неблагонадежных в составе правлений кооперативов не превышало 39 чел., или 5,3% от общего количества их членов [4, л. 272].

Подобные проверки в течение 1909–1910 гг. прошли в Пермской, Нижегородской, Казанской, Астраханской, Оренбургской, Вятской, Архангельской и других российских губерниях. В случае непредставления списков полиция закрывала кооперативы. По итогам губернских проверок в марте 1911 г. директору Департамента полиции была подготовлена записка, в которой говорилось, что «деятельность сельских кооперативных учреждений, благодаря материальной заинтересованности участвующих в них крестьян, является чисто экономической. Политически неблагонадежные лица в составе кооперативов заметного влияния не имеют и использовать общественные деньги на нелегальные цели вопреки воле благонадежного большинства не могут» [5, л. 71, 71 об.]. Из общего числа 11432 зарегистрированных в стране кооперативных учреждений неблагонадежные лица имелись в 750 кооперативах (6,5%), что составляло не более 1560 чел., т. е. по 2 чел. на кооператив [5, л. 71, 71 об.]. Тем не менее местным властям ставилась задача усилить общий надзор за всеми кооперативными учреждениями в деревне.

Особое внимание полиции привлекали кооперативные съезды (1908, 1912, 1913 гг.), в которых, по ее данным, активное участие принимали представители левых политических партий: эсеров, социал-демократов, кооперативных реформистов, анархистов.

Накануне Московского съезда (1908 г.) партия социалистов-революционеров распространила в местных организациях письмо, в котором рекомендовалось принять «самое живое и деятельное участие в этом съезде, поскольку он может оказать значительное влияние на деятельность кооперативных учреждений». Для организации на съезде партийной работы ЦК РСДРП командировал в Москву из Петербурга члена ЦК В. П. Ногина [4, л. 62].

Повышение интереса к съезду со стороны левых партий, естественно, вызвало беспокойство властей. Перед началом его работы председатель Совета Министров П. А. Столыпин направил московскому генерал-губернатору телеграмму, в которой предупреждал о том, что «предстоящий в Москве кооперативный съезд имеет целью противозаконное объединение существующих в империи кооперативных учреждений (потребительских, производственных обществ, ссудо-сберегательных, кредитных товариществ) и намерен подчинить их скрытому влиянию социал-демократической партии. Установите за его деятельностью тщательное наблюдение, примите меры к тому, чтобы на съезде не был создан центральный союзный орган, предупредите всякие попытки противоправительственной агитации» [4, л. 61].

После первого же дня работы съезда полиция предупредила его председателя профессора Петербургского политехнического института А. С. Постникова, что доклад В. А. Поссе, прочитанный в день открытия съезда, «содержал в себе призыв к изменению существующего строя». Московский градоначальник потребовал немедленного прекращения работы «пропагандистской комиссии» и запретил обсуждать «резолюции и поправки к ним, составленные в духе социалистических партий» [4, л. 64].

Несмотря на противодействие правительства, левые партии получили на съезде 56 совещательных голосов, причем 30 делегатов имели право решающего голоса. Известный экономист, придерживавшийся социалистических взглядов, С. Н. Прокопович был избран товарищем председателя съезда и руководителем комиссии «О положении служащих в кооперативах», секретарями съезда стали В. Ф. Тотоманц, М. Л. Хейсин, Д. М. Бобылев, П. С. Горбунов, Ю. Ю. Соколов. Комиссию «О кооперативной пропаганде» возглавила Е. О. Ленская. Комиссии С. Н. Прокоповича и Е. О. Ленской приняли более 10 резолюций, носивших, по определению полиции, «революционный характер», в том числе о праздновании 1 Мая и о том, что «в основу кооперативной пропаганды должна лечь пропаганда социализма [4, л. 12 об., 13, 43 об.]».

Полиция следила за работой каждой секции съезда. В донесении П. А. Столыпину начальник московской охраны писал: «Общее впечатление, производимое съездом, несомненно, неблагоприятное. Громадное большинство делегатов настроено революционно. Об этом свидетельствуют не только речи ораторов, но и разговоры в кулуарах [4, л. 26 об.]».

Первый съезд кооперативных организаций встретил горячее приветствие оппозиционной печати. Заграничный орган «Голос социал-демократа», вышедший в июне 1908 г. (№ 6–7), писал: «Настроение, господствующее на съезде, было крайне левое. Под конец съезда рабочая социал-демократическая и крестьянская трудовая социалистов-революционеров группы вдвоем имели почти верное большинство» [4, л. 86 об.]».

Свою оценку съезду дал и Департамент полиции в лице начальника земского отдела В. И. Бафгановского: «Нельзя безразлично относиться к свободному и бесконтрольному развитию кооперативного движения, – к ним (кооперативам), считал он, – нужно придерживаться утеснительной политики» [4, л. 62]. Более того, начальник земского отдела считал необходимым внести в циркуляр для губернаторов подготовленное Департаментом следующее указание: «При возбуждении ходатайств о разрешении новых кооперативных учреждений собирать сведения о политической благонадежности учреждений и, в случае получения сведений о неблагонадежности учредителей, стараться

отказывать в разрешении под тем или иным благовидным предлогом» кооператива [4, л. 190].

Всероссийские съезды еще раз подтвердили, что быстрое развитие кооперативного движения вошло в противоречие со сложившейся административной практикой. Кооператоры требовали принятия единого кооперативного законодательства, явочного порядка учреждения кооперативов, предоставления им права свободного объединения в союзы, признание за ними права заниматься не только хозяйственной, но и культурно-просветительской деятельностью. Это толкало их к участию в избирательных кампаниях и работе в самой Государственной Думе.

По данным Департамента общих дел, в качестве «сведущих лиц» в социал-демократическую фракцию III Государственной Думы входили кооператоры С. Н. Прокопович, Б. Р. Фроммет, М. Л. Хейсин. За работу в Думе они подвергались неоднократным обыскам и арестам, а М. Л. Хейсин был выслан на два года в Псков под гласный надзор полиции [6, л. 6 об., 7]. Факты участия кооператоров в предвыборной кампании 1912 г. неоднократно фиксировались полицией и выражались в «предоставлении льготных кредитов своим политическим единомышленникам» [7, л. 318 об.]».

В этой связи особого внимания заслуживают взаимоотношения кооперативов и государственных учреждений на местах.

В дореволюционный период правительственная политика по отношению к кооперации приобретала все более противоречивый характер. С одной стороны, правительство оказывало денежную поддержку кредитным товариществам, открывало сельскохозяйственные и потребительские общества и тем самым способствовало социально-экономическому развитию деревни, а с другой – неуклонно и последовательно отстраивало систему административного и полицейского надзора и контроля, ограничивало залоговые и посреднические операции кооперативов, консервировало феодальные пережитки.

Скрытая неприязнь, а затем и прямая враждебность к кооперативам правящих кругов особенно проявились, как уже отмечалось, после кооперативных съездов, в ходе которых отчетливо выявились оппозиционные настроения значительной части делегатов и стремление политических партий влиять на кооперативы. Рассматриваемый период представляет важную страницу в истории борьбы кооперации за самоопределение, самостоятельность, освобождение от мелочной административной опеки, против мощного бюрократического аппарата. В центре этот аппарат был представлен министерствами и ведомствами, а на местах – институтом губернаторов, губернскими комитетами по мелкому кредиту, инспекциями мелкого кредита

при местных отделениях Государственного банка, земскими начальниками, полицией. Давление на кооперативные съезды, организаторов кооперации в центре власти пытались скрыть от общественности, на местах же в полной мере проявлялось самодурство губернаторов и чиновничьего аппарата.

Рассмотрим положение кооперативных учреждений и отношение к ним местной администрации. Как уже отмечалось, основная масса кооперативов в губерниях оставалась «нейтральной». Управление самыми многочисленными учреждениями мелкого кредита осуществлялось через большой бюрократический аппарат, состоявший из чиновников разных рангов. Отчеты правительственного Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики свидетельствуют о том, что на протяжении 1905–1915 гг. он увеличился почти в 10 раз. К сентябрю 1915 г. личный состав местных инспекций мелкого кредита насчитывал 1050 чиновников, а ежегодные расходы на их содержание составляли более 3 млн руб. [8, л. 134, 144 об.]. Им вменялось в обязанность следить за деятельностью кредитных товариществ, производить в них периодические ревизии и вообще всячески руководить ими. С развитием кооперативного движения все большее и большее значение приобретала «полицейская функция» кредитных инспекторов. Они имели право не только отстранять от руководства председателей и членов правлений, но и закрывать товарищества.

В начале 1909 г. Управление по делам мелкого кредита при Государственном банке дополнило «нормальный» устав ссудо-сберегательных и кредитных товариществ пунктом, который предоставлял инспекторам право приостанавливать деятельность кредитных кооперативов, если они «найдут их неблагонадежными по своему составу и деятельности». Далее следовал циркуляр министра внутренних дел, предписывающий губернаторам и инспекторам мелкого кредита «тщательно следить, чтобы кредитные товарищества не расходовали в том или ином виде деньги на революционные цели [9, с. 18].

В этой связи Департамент полиции сделал специальное распоряжение о выяснении характера кооперативных организаций Оренбургской губернии и об установлении надзора за деятельностью потребительских обществ. Однако губернские власти не ограничились только надзором. Они практически прекратили рассмотрение дел об открытии кредитных кооперативов и начали репрессии против руководителей потребительских и сельскохозяйственных обществ.

На совещании инспекторов мелкого кредита 1908 г. глава Управления по делам мелкого кредита Л. С. Биркин, находившийся на этой должности 8 лет (1904–1912 гг.) и получивший к концу своей карьеры звание сенатора, привел множество примеров, когда губернские

комитеты «до крайности замедляли процесс возникновения товариществ» [8, л. 437, 438]. Так, в Самаре губернский комитет не собирался восемь месяцев, в Перми – более года, в Казани – более трех лет. В результате комитеты накопили десятки нерассмотренных ходатайств об открытии кредитных кооперативов. Главный инспектор мелкого кредита был вынужден назвать губернский бюрократический аппарат «тяжелым и неудачным» [8, л. 437, 438].

Еще большее противодействие деятели кредитной кооперации встречали в селах и деревнях. В Уфимской губернии, богатой кооперативными традициями, один из местных земских начальников письменно просил их оставить мысль «о распространении кредитных учреждений как праздную и вредную для населения затею, подталкивающую только к смуте». В одном из уездов Псковской губернии земский начальник заявил управляющему отделением Государственного банка, что «признает устройство кредитных товариществ излишним и не считает возможным допустить их распространение во вверенном ему участке» [8, л. 443].

По инициативе крестьян и интеллигенции в 1912 г. при станции Воскресенке, деревнях Бессоново и Усодиши Казанской губернии были созданы общества потребителей. Однако под давлением лавочников и торговцев местный земский начальник Юрьев начал преследование руководства и членов обществ. Все ближайшие волостные правления получили его строжайший приказ «запретить местному населению участвовать в «жидовских учреждениях». Староста деревни Бессоново, по указанию Юрьева, был подвергнут пятидневному аресту за то, что не смог отговорить крестьян от вступления в кооператив [10, с. 358–359]. Подобные примеры были типичными для Самарской, Астраханской, Оренбургской, Олонецкой и других губерний.

Институт земских начальников был введен 12 июля 1889 г. Они обладали всей полнотой судебной и административной власти в крестьянском управлении. На первом Самарском съезде кредитных товариществ в феврале 1905 г. его делегаты-крестьяне потребовали у представителя Управления мелкого кредита А. А. Беретти и управляющего местным отделением Государственного банка А. К. Ершова «снять опеку, тяготеющую над всеми сторонами крестьянской жизни и отменить институт земских начальников» [11, с. 105–106].

В отдельных губерниях прекращается даже рост сельскохозяйственных обществ, так как из-за преследований местной администрации они несли большие убытки. Например, в Саратовской губернии по этой причине в 1908–1909 гг. закрылись Озерское, Планское, и Дубовское сельскохозяйственные общества [12, л. 9, 10, 23].

В большинстве случаев администрация, закрывая общества, исходила из общих соображений «охраны общественного порядка и безопасности». Например, Богородское сельскохозяйственное общество Вятской губернии было закрыто за неизвещение полиции о собрании, на котором рассматривался вопрос о травосеянии. Вахминское общество уездный исправник закрыл «за вредную для общественного порядка и спокойствия деятельность» [13, с. 130]. Существующим же обществам администрация систематически не разрешала созывать общие собрания. Серьезным преследованиям подвергались кооперативы, которые пытались заниматься культурно-просветительской деятельностью. В Архангельской губернии Соломбальское потребительское общество было закрыто после того как общее собрание приняло постановление об «отчислении из чистой прибыли средств на открытие библиотеки и устройство лекций для членов общества» [13, с. 130].

Случаи произвола администрации в отношении кооперативов были отмечены «Союзом потребителей» и в самой кооперативной губернии России – Вологодской. В 1910 г. в ряде ее уездов после безрезультатных обысков произошли аресты руководителей кооперативных учреждений. Так, в деревне Горбово Вологодского уезда был взят под стражу председатель и секретарь потребительского общества, в Грязовецком уезде полиция арестовала председателей Мироносицкого потребительского общества, кредитного товарищества и секретаря Ребровского общества потребителей. Несколько позже были задержаны председатель и секретарь Говоровского кредитного товарищества. Как правило, никому из них не предъявлялось никаких обвинений. Аресты совершались в порядке «профилактики». Были случаи, когда кооператор попадал в «кутузку» из-за неосторожного высказывания. При открытии в селе Новожуковке Вольского уезда Саратовской губернии сельскохозяйственного общества земский агроном Кусков сказал, что оно «может обсуждать не только сельскохозяйственные, но и государственные вопросы». За такую «революционную агитацию» он был сразу же арестован местным приставом [14, с. 37].

Из-за отсутствия специального кооперативного закона о потребительских обществах главы губернских администраций часто брали на себя функции законодательного органа. Вятский губернатор разрешил в 1913 г. открытие Сосновского потребительского общества, существенно изменив при этом текст правительственного устава 1897 г. В губернаторской редакции право на участие в кооперативах были лишены «всякого рода общества, учреждения, товарищества, артели, попечительства, школы и т. п.» [15, с. 821].

Таким образом, многочисленные местные учреждения не могли оказать содействие в становлении молодых крестьянских кооперативов. Еще дальше пошел архангельский губернатор, утверждая устав Нимельчского общества потребителей Онежского уезда. Он ввел новый пункт в устав общества, совершенно незаконно ограничивающий вступление в него лиц, состоящих под надзором полиции [15, с. 822]. Однако верхом самоуправства являлись действия пензенского губернатора, который своим распоряжением не только запретил принимать в кооперативы поднадзорных, но и изгнал из них всех, кто «скомпрометировал себя перед властью каким бы то ни было образом» [16, л. 8].

Анализ политики государственных учреждений по отношению к кооперативному движению свидетельствует о том, что политические мотивы заставляли государство сдерживать развитие кооперативной деятельности. Однако чиновники не могли не учитывать хозяйственный потенциал сельскохозяйственной кооперации и ее значение для укрепления материального положения крестьянства. В конце концов соображения экономического порядка перевешивали политические опасения государственников, и кооперативы начинали свою деятельность.

В регионах России имелся большой исторический опыт развития коллективного хозяйства (через общину, сельский мир, различные артели по совместной обработке земли, «супряги»), и крестьяне сравнительно легко восприняли как саму кооперативную идею, так и опыт кооперативного строительства. Почему же отношение самодержавной власти к кооперации было весьма прохладным, а порой и враждебным? Скорее всего, система государственной власти традиционно была направлена против возникавших общественных организаций и движений, правительство не желало передавать хоть малую часть своих полномочий в руки кооперативных учреждений.

К тому же мощный рост кооперативных организаций после революции 1905–1907 гг. напугал правительство. Присутствующий на Киевском съезде представитель канцелярии киевского генерал-губернатора Крылов писал, что «кооперативное движение способно изменить существующую социально-экономическую форму, сплотить и объединить на основе духовных и материальных интересов народную массу преимущественно крестьянского, рабочего и ремесленного населения, с постоянным функционирующим органом во главе, регулирующим и направляющим все движение. Такая народная масса будет представлять большую моральную, физическую и материальную силу, с которой придется серьезно считаться» [16, л. 22, 22 об.].

Подобные характеристики кооперативного движения давались вологодским губернатором

А. Н. Хвостовым, новгородским – П. П. Башиловым, самарским – В. В. Якуниным, Министерством внутренних дел [16, л. 74 об.].

В 1910-е гг. на местах началось широкое союзное строительство, ознаменовавшее следующий этап качественного роста кооперативного движения. Важным шагом в деле организации государственной помощи кооперации было утверждение министром финансов 13 июля 1911 г. уставов девяти союзов учреждений мелкого кредита. В новом уставе закреплялась цель регионального союза, которая заключалась в «установлении и развитии постоянных сношений между вошедшими в него товариществами и совместной их деятельности, направленной к наиболее успешному достижению их задач» [17, с. 210]. Первым в Самарской губернии стал Кинель-Черкасский Бугурусланского уезда Союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, начавший свою деятельность 22 ноября 1915 г. и объединивший 17 товариществ [17, с. 211–212].

Вместе с тем, как отмечают исследователи кооперативного движения, «каждое ходатайство об организации союза рассматривалось в чрезвычайном порядке через Совет Министров, причем отношение к вопросу постоянно менялось и были годы, когда кооперативные союзы не разрешали вовсе. Препятствия обычно возникали на первом этапе пути – в губернских комитетах по делам мелкого кредита, которые очень часто без всякой мотивации отказывали в удовлетворении ходатайства о союзах. Но даже положительные решения губернских комитетов не обеспечивали решения союзов, так же, как и решение Центрального комитета» [17, с. 208].

После массового образования различных общественных организаций правительство продолжало считать кооперативное движение опасным. Недоверие к нему правящих кругов объяснялось и тем, что объединение кооперативов в союзы совпало с ростом интереса к движению левых политических партий. В этой связи новые материалы приводят самарские исследователи. К примеру, в феврале 1915 г. начальник Самарского жандармского управления сообщал самарскому губернатору о том, что «Второе потребительское общество в г. Самаре с начала его существования – с конца 1910 года служит местом сосредоточения лиц неблагонадежных в политическом отношении, через членов этого общества, а главным образом через приказчиков его лавки шла подписка на газеты левого направления, издававшиеся явочным порядком в Петрограде и Москве, кроме того лавка также служила справочным бюро для приискания мест лицам, высылаемым в г. Самару под гласный надзор полиции» [17, с. 176].

О. А. Безгина отмечает, что в 1916 г. конторщиком в потребительском кооперативе «Самопомощь» работал известный большевик

В. В. Куйбышев, бежавший из иркутской ссылки и проживавший в Самаре с марта по 18 сентября 1916 г. Кстати, еще на первом организационном собрании общества «Самопомощь» в 1915 г. были выдвинуты такие политические требования, как установление всеобщего избирательного права, полномочного народного представительства, свободы союзов, слова, собраний печати, неприкосновенности личности» [18, с. 209].

Следует иметь в виду, что Министерство внутренних дел обычно преувеличивало как степень революционности кооперативных руководителей, большинство которых в сложившихся условиях фактически придерживались принципа «нейтральности» кооперации, так и глубину и массовость политических настроений рядовых членов кооперативов. В действительности радикальных взглядов придерживалась небольшая группа рабочих независимых кооперативов, в которых закрепились партийные комитеты большевиков. Сельскохозяйственная же кооперация в своем большинстве была аполитичной. Непродуманная политика правительства привела к тому, что многомиллионные массы членов кооперации не стали его опорой. Власть упустила шанс решительной и последовательной реформой кооперативного законодательства приблизить к себе кооперативное движение. Своей неуступчивостью она подталкивала кооперативы под знамена крайне левых партий. Психологически продворянское правительство не смогло воспринять в новой силе, возникшей в стране, своего союзника.

Список литературы

1. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. : Наука, 1979. 359 с.
2. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1891–1930. Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. 598 с.
3. Файн Л. Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. 276 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102 (Департамент полиции МВД). 1908. Д. 121. Т. 3, ч. 2.
5. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 376. Т. 2, ч. 1.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284 (Департамент общих дел). Оп. 188. Д. 262.
7. РГИА. Ф. 1276 (Совет Министров). Оп. 11. Д. 329.
8. РГИА. Ф. 395 (Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики). Оп. 1. Д. 1152 (6).
9. Юрин Т. Отношение властей // Союз потребителей. 1910. № 1. С. 15–41.
10. Биркин Л. Неожиданное затруднение // Союз потребителей. 1912. № 14–15. С. 341–374.

11. Юрин Т. Институт земских начальников // Союз потребителей. 1905. № 4. С. 99–106.
12. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2 (Саратовское губернское правление). Оп. 1. Д. 8785.
13. Анофриев В. Закрытие союзного общества // Союз потребителей. 1905. № 5. С. 125–138.
14. Юрин Т. Сельскохозяйственные общества // Союз потребителей. 1906. № 2. С. 25–44.
15. Биркин Л. Что город, то норы // Союз потребителей. 1913. № 29. С. 812–844.
16. РГИА. Ф. 1291 (Земский отдел). Оп. 54. Д. 14.
17. Наш край. Хрестоматия для преподавателей истории СССР и учащихся старших классов средней школы / сост. : М. А. Ганина, Ф. П. Захарова, К. А. Катренко, К. А. Медведев. Куйбышев : Издательство Куйбышевского областного института усовершенствования учителей, 1966. 408 с.
17. Безгина О. А. Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества. Тольятти : Издательство ТГУ, 2018. 306 с.

Поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.02.2024